

Павел МИНАКИР

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ И РАЗВИТИЕ: РЕГИОНАЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ*

В статье рассматривается соотношение экономического роста и экономического развития в контексте региональной экономической политики. Анализируются целевые параметры государственной программы развития Дальнего Востока и Байкальского региона. Показано, что ориентация на увеличение темпов прироста макроэкономических показателей не равнозначна решению задачи ускорения развития экономики и социальной среды макрорегиона.

Ключевые слова: Дальний Восток, пространственная экономика, регион, цикличность, экономический рост, экономическое развитие

Длительное время после начала перехода от централизованного управления к децентрализованному про региональную экономическую политику просто забыли (точнее, активно отвергали), полагая, что любое проявление региональных предпочтений — это не более чем институциональная дискриминация экономических агентов. Последнее десятилетие, напротив, знаменовалось максимальной активностью в области именно региональной политики. И, несмотря на то что в действительности результаты активной региональной экономической политики со второй половины XX века (не только в СССР, но и во многих развитых странах) *мало ощутимы*, сегодня именно региональная политика подается и воспринимается чуть ли не как «последний рубеж» в движении к конструированию устойчивой и динамичной экономической системы в России.

Эта позиция нашла отражение и в научных исследованиях.

Состояние теории и практики регионального развития

Господствовавший до конца 1990-х гг. термин «региональная экономика» постепенно уступает место термину «пространственная экономика», что должно бы означать, что от регулирования функционированием и развитием отдельных территориальных единиц (регионов) осуществляется переход к регулированию, соответственно, исследо-

*Статья подготовлена при поддержке грантов РГНФ №13-02-00011а и №12-01-00024.

ванию системы взаимосвязанных и взаимообусловленных в своем развитии регионов, образующих некую национальную пространственную структуру.

Однако в действительности *существенных изменений ни в практике, ни в теории не происходит*. Терминологические новшества представляют собой просто *rebranding* все того же довольно аморфного направления, которое обозначалось и продолжает официально обозначаться термином «региональная экономика». Зато переход к понятию «пространство» как бы освободил исследователей (во всяком случае, их значительную часть) от обязанности четко и однозначно определить объект исследования, т.е. *ясно описать экономическое пространство*, которое таковым объектом является. Это происходит в условиях, когда практическая политика по-прежнему имеет дело с отдельными территориальными образованиями. Только территориальный масштаб этих образований непрерывно увеличивается, что отражает понятное стремление как можно более сократить уровень разнообразия, которое в реальном пространстве чрезвычайно велико.

Поэтому, в частности, появляются такие экзотические объекты региональной политики, как Дальний Восток и Байкальский регион, который трактуется как новая точка роста всей российской экономики. То, что эта «точка роста» фактически представляет собой целый континент, похоже, мало кого смущает.

В качестве же инструмента региональной политики используется также давно известный и тоже ни разу не давший положительного результата, во всяком случае, на Дальнем Востоке, метод разработки комплексной (т.е. всеохватывающей) программы социального и экономического развития.

Подобная программа дала положительный эффект в 1930-х гг., когда она реализовывалась именно как программа, т.е. *были сформулированы простые, отчетливо детализировавшиеся* до уровня технико-экономических и проектных заданий цели, представлявшие собой *четко сфокусированные* на одной генеральной задаче финансово-производственные проекты. В послевоенные годы, когда степень сложности экономики многократно увеличилась и программы (постановления) превратились в разновидность территориальных комплексных планов, цели уже не достигались. Практически невозможно было уже четко определить и отслеживать цели и задачи.

История повторяется и сегодня, когда принимается очередная, четвертая по счету в новейшей истории, программа. Она опять формулируется в терминах создания «точки роста», в форме комплексного плана социального и экономического развития макрорегиона, хотя формально документ называется Государственной программой Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года»¹ (далее — Программа). И в очередной раз документ содержит в качестве целей, которые должны быть достигнуты, *общие формулировки*, которые не мо-

¹ URL: http://open.minvostokrazvitia.ru/upload/medialibrary/Proekt_gp_rdvibr_11032013.pdf.

гут быть преобразованы в конкретные действия и проекты. Но еще важнее то, что заявленные цели внутренне противоречивы и по существу *не связаны*, ни явно, ни виртуально с *самим планом*.

Как следует из названия Программы, а также из общеполитической цели экономической политики на востоке страны вообще задачей программы является «развитие» макрорегиона. А заявленная в тексте Программы (точнее, в ее паспорте) цель — «Формирование условий для ускоренного развития Дальнего Востока, превращения его в конкурентоспособный регион с диверсифицированной экономикой, в структуре которой преобладают высокотехнологичные производства с высокой добавленной стоимостью» содержит сразу две декларации.

Первая. Достижение ускоренного развития².

Вторая. Диверсификация структуры производства.

В задачу данной статьи не входит анализ предпосылок и оценка реализуемости Программы. Задача формулируется как исследование справедливости гипотезы, заложенной в фундамент программной конструкции, а именно тождественности экономического роста и экономического развития на региональном уровне, а также непротиворечивости требований ускорения темпов роста и диверсификации структуры экономики. При этом *исходная позиция* автора такова: экономический рост и экономическое развитие не являются синонимами, но находятся во вполне определенной причинно-следственной связи. Последнее утверждение ранее уже высказывалось нами в научной печати³, а первая часть статьи является развитием этого утверждения.

Рост и развитие

Экономика вообще может рассматриваться либо как однородная в пределах того или иного физического пространства система, либо как распределенная в этом же физическом пространстве совокупность неоднородных систем. В любом случае темпоральный анализ наряду с анализом причинно-следственных связей является еще со времен А. Маршалла обязательным атрибутом экономического исследования. Впрочем, наряду с анализом динамики во времени фиксированной экономической единицы (системы) принципиальное значение имеет также и анализ изменений состояний пространственно локализованных неоднородных систем. Такая динамика (пространственная) труднее поддается анализу, т.к. различные пространственно локализованные экономические сообщества интенсивно взаимодействуют друг с другом. Причем эти взаимодействия принимают различные формы (конкуренции, подчиненности, интеграции и пр.) и вполне определенным образом модифицируют обобщенные экономические параметры и социальные результаты.

² Этот тезис трансформируется в положение о необходимости превышения среднегодового темпа прироста совокупного ВРП на 1,5 процентных пункта по сравнению с темпом Российской Федерации в целом (т.е. идея развития региона представляется как увеличение темпа роста).

³ Минакир П.А. К вопросу об экономической динамике // Журнал экономической теории. 2010. № 4. С. 129–139.

Тем не менее, существуют некоторые *канонические принципы*, инструменты анализа экономической динамики, равно как и регулирования этой динамики.

Изменения ключевых параметров экономических систем во времени, что и представляет собой собственно экономическую динамику, как было показано во второй половине прошлого века⁴, характеризуются двумя качествами — ростом и развитием. Наиболее простой формой темпоральных изменений, конечно, является «рост» — приращение количественных значений некоторых, как правило, весьма общих интегральных показателей, описывающих состояние экономической системы в каждый данный момент времени по сравнению с их значением в предыдущий момент времени.

Классическая школа в экономической теории рассматривала в роли основного фактора экономической динамики, трактуемой, как рост, технический прогресс и накопление капитала (факторов производства).

При этом экономический рост действительно оказывался тождественен экономическому развитию, сам технический прогресс обеспечивал долгосрочные положительные изменения в экономике. Говоря иначе, не только значение каждого из параметров, входящих в множество, описывающее экономическую систему, количественно превышало уровень этого же параметра в предшествующий период, но и совокупность этих параметров, формирующих качественное состояние экономической системы, характеризовалась более высоким уровнем по сравнению с предшествующим периодом. Иными словами, признание накопления капитала основным механизмом, обеспечивающим экономический рост, обусловило одновременное увеличение как производственных возможностей, так и качественного состояния системы (технологии)⁵.

Великая депрессия 1929–1933 гг., вернее ее отклик в теории, привела к разрыву единства роста и развития. Длительный кризис (разрыв длинной динамики) породил спрос на теоретическое объяснение того, почему экономический рост не является predetermined магистралью экономической жизни. Теоретическим откликом на это требование стал отказ от рассмотрения предложения и концентрация на рассмотрении инвестиций исключительно как фактора формирования совокупного спроса. Это было равнозначно признанию того, что экономический рост является чередой краткосрочных изменений поведенческих реакций, формирующихся и проявляющихся на микроуровне (на уровне фирм и домашних хозяйств). Фактически это исключало технический прогресс из числа существенных факторов экономической динамики, превращая концепцию экономического равновесия в концепцию статического равновесия⁶.

⁴ См., напр.: *Печчеи А.* Человеческие качества. 1980; *Тинберген Я.* Мировая динамика. 1971; *Мерроуз Д.* Пределы роста. 1972.

⁵ *Маркс К.* Капитал. Т. 3, отдел 3. *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч. Т. 25.

⁶ *Нельсон Р., Уинтер С.* Эволюционная теория экономических изменений. Перев. с англ. М.: ЗАО «Финстатинформ», 2000. С. 235.

Однако после второй мировой войны, когда восстановление разрушенных в физическом смысле систем жизнеобеспечения и экономической структуры, формирование новых структурных секторов экономики потребовало ввести в кейнсианскую концепцию инвестиции как источник не только спроса на товары и услуги, но и фактор прироста их предложения.

В дальнейшем необходимость объяснения закономерностей изменения во времени траекторий выпуска, затрат, цен обусловила обращение к *неоклассическим концепциям*, к моделям роста, в которых предполагалось, что фирмы, трактуемые как элементы экономической системы, в каждый данный момент времени таким образом выбирают набор производственных ресурсов и технологий, чтобы получить максимальную прибыль или максимизировать дисконтированную стоимость в следующий период времени.

При этом предполагается, что экономика в целом или ее анализируемый сектор находится в состоянии Парето-равновесия в том смысле, что «спрос и предложение сбалансированы на всех рынках и ни одна фирма не может улучшить свое положение при заданных действиях (рациональных) других фирм»⁷. При этом экономический рост является следствием увеличения предложения факторов производства.

Подобный подход к теоретическому объяснению динамики был удобен уже потому, что позволял получать многочисленные эмпирические подтверждения. Измеряя, с помощью, например, эконометрических моделей, параметры временных траекторий выпусков и затрат факторов производства.

И действительно, история последних 40–50 лет дает впечатляющие примеры многочисленных и довольно успешных эмпирических исследований экономической динамики, проведенных в рамках эконометрического инструментализма. Правда, при этом не удастся интерпретировать весь прирост производительности приростом затрат факторов производства, более того, неидентифицируемая часть прироста производительности оказывается не меньше объясняемой части. Это обусловило дальнейшую модификацию теории за счет явного введения в эконометрические модели теоретических предположений Й. Шумпетера и Дж. Хикса о воздействии технических нововведений на сдвиги производственной функции. Технически это означало введение в модель условия непостоянства масштаба и наличие сдвигов производственной функции под воздействием технологических нововведений (Р. Солоу). В результате акцент в исследованиях факторов роста был в значительной степени смещен в область идентификации «необъяснимого остатка» при оценке производственной функции. Этот «остаток» стал трактоваться как параметр «технические (технологические) изменения». Фактически введение этого параметра означало восстановление синтеза роста и развития, т.к. технологический дрейф как раз и отражает качественные изменения в экономической системе.

Вместе с тем проблема одним только введением новой переменной в производственную функцию все-таки не решается. По-прежнему оста-

⁷ Нельсон Р., Уинтер С. Указ. соч. С. 236.

ются сомнения в том, что с ее помощью можно исчерпывающим образом описать и объяснить экономическую динамику во всех ее формах и проявлениях.

Согласно неоклассической предпосылке каждая фирма в любой момент времени располагает множеством технологических возможностей, в т.ч. и ранее никогда не использовавшихся, из которых она может выбирать те, которые дают при данных состояниях рынка наилучший результат в смысле нормы прибыли⁸. Однако такая предпосылка порождает еще одну. Она *вынуждает признать*, что инновации, являющиеся результатом НИОКР (или инвестиций их сопровождающих), есть совершенно предсказуемый фактор, определяющий производственные возможности. Это весьма сомнительно, во всяком случае, недоказуемо. Но даже если бы это было так, пришлось бы предположить, что фирмы обладают совершенно равными возможностями в смысле инвестирования НИОКР, продуцирования инноваций. Или же, что существует некая «корзина инноваций», которая доступна всегда и всем, и проблема заключается для экономических агентов только в том, чтобы правильно воспользоваться данной «корзиной».

Подобная «корзина» могла бы существовать в случае наличия некоего внешнего по отношению к экономическим агентам производителя инноваций, который функционирует независимо от них и предоставляет результаты своих усилий всем желающим. Разумеется, такой «корзиной» не может быть хранилище патентов — система патентования, которая часто предлагается для объяснения экономического роста, генерируемого инновациями. В действительности патенты являются продуктом индивидуальных усилий, имеют вполне определенную цену и уже поэтому представляют собой вполне осязаемый барьер, ограничивающий множество производственных возможностей.

Итак, неоклассические модели роста, широко применяемые именно в силу их «прозрачности» и простоты предпосылок, *гораздо больше скрывают, чем объясняют*. А производственная функция, хорошо описывая видимые изменения выпуска во времени, не объясняя этих изменений, *позволяет предположить*, что является удачной формой описания, но не ясным для понимания инструментом, в основе которого лежит столь же ясная и непротиворечивая теория.

Ясность попыталась внести *эволюционная теория*, предложившая еще одну версию объяснения феномена роста.

Как это чаще всего и бывает с новыми теоретическими версиями, эволюционная парадигма использовала сформулированный еще К. Марксом принцип неравномерной концентрации капитала. Различие заключается в том, что эволюционная парадигма имеет дело с дифференциацией используемых фирмами технологий в терминах «способов ведения дел», а не соотношений используемого постоянного и переменного капитала.

Эволюционная теория исходит из того, что все множество фирм делится на два подмножества. Агенты первого подмножества реализуют рентабельные при данных условиях рынка правила принятия решений, а агенты второго подмножества этого сделать по различным причинам

⁸ Нельсон Р., Уинтер С. Указ. соч. С. 231.

не могут. Теоретически это означает, что первые увеличивают масштаб своей рыночной деятельности и становятся своеобразными ядрами роста. При этом скорость расширения фирм первого подмножества предполагается большей, чем скорость сокращения масштабов деятельности фирм второго подмножества. В результате такой дифференциации скоростей происходит общий рост экономической системы.

Соотношение процессов роста и развития при этом является простым, но не всегда очевидным. Экономический рост означает, что масса применяемых факторов производства в момент времени « t » больше, чем в момент времени « $t-1$ ». Но при этом может и не происходить собственно развитие в смысле изменения качества экономической деятельности.

Конечно, существует явная зависимость уровня развития в целом (не только экономического), трактуемого, как изменение в лучшую сторону качества жизни. Это неизбежно при количественном увеличении производимого и распределяемого дохода в случае, если оценки общественной полезности при определении способов и направлений распределения доходов не смещены по отношению к основным траекториям социальной динамики. Но все-таки в смысле экономического развития, трактуемого, как качественные изменения эффективности использования факторов производства, генерирование новых рынков, ничего существенного может и не происходить.

Экономический рост, далее, может осуществляться, как «облагороженный рост». Имеется в виду, что увеличение массы применяемых факторов производства сопровождается ростом эффективности их применения, но при этом изменения пропорций между используемыми факторами производства и/или изменения распределения факторов производства между отраслями экономической деятельности (между отраслевыми рынками) не происходит. Собственно же экономическое развитие означает, что при любом изменении массы (объема) используемых ресурсов (факторов производства), в т.ч. и при уменьшении этой массы (это вполне возможно, если одновременно увеличивается эффективность использования ресурсов), одновременно происходит изменение пропорций распределения самих факторов производства (замещение и межотраслевой перелив).

Различные концепции экономической теории сходятся в том, что *экономический рост* связан не только количественными изменениями во времени. Он является *результатом и предпосылкой более сложного и гораздо более существенного процесса экономического развития*, включающего в себя не одни только тривиально производственные параметры и факторы. Гораздо более важным является изменение во времени, прогресс совокупного множества качеств, описываемых состоянием знаний и умений, общественных институтов, способностей к сотрудничеству, уровнем безопасности, технологией соединения факторов производства и общественных групп, эффективностью труда и организации форм производительной деятельности и т.п.

Например, для А. Смита фундаментальным признаком потенциала экономического роста являлось увеличение численности населения, но

оно же служило и важнейшим показателем экономического развития, т.к. обеспечивало расширяющиеся возможности роста производства во все новых сферах деятельности. Для К. Маркса экономический рост всегда сопровождается экономическим развитием, т.к. имманентной формой накопления капитала представлялось изменение пропорции между трудом и капиталом. Для Дж.С. Милля экономическое развитие отождествлялось с возрастанием власти человека над природой, что и является фактором экономического роста, увеличением безопасности личности и собственности⁹, улучшением деловых способностей основной массы человечества.

То есть если экономическое развитие, а в более широком контексте общественное развитие, без экономического роста есть игра воображения, то противоположное, а именно экономический рост без экономического развития, а тем более без общественного развития, вполне может существовать. Далее, вполне можно представить себе даже маргинальное состояние пары «развитие – рост». Возможен, например, вариант, при котором бурному экономическому росту соответствует регресс основных компонент, характеризующих развитие. Даже небольшое усилие позволит сопоставить такому предположению вполне реальные этапы истории различных стран¹⁰.

Говоря о развитии, *не следует отождествлять его с ростом*. Взаимно однозначного соответствия не существует. Особенно это замечание существенно для территориальных систем, которые принципиально открыты, а следовательно, не обязательно генерируют ресурсы для развития в своих собственных пределах. Кроме того, экономический рост в границах того или иного региона совершенно не обязательно будет приводить к качественному изменению экономических и социальных параметров в данном регионе. Эта зависимость будет всегда определяться характером пространственных распределений генерируемого дохода, используемого на накопление и потребление в конкретных регионах, а также характером потоков дохода между регионом и центром.

Рост и развитие: очередная программа для Востока России

Как отмечалось выше, в конце марта этого года Правительство РФ ожидаемо рассмотрело и одобрило государственную программу социального и экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона, а в начале апреля эта Программа была утверждена Председателем Правительства¹¹. Обратимся к двум содержащимся в документе фундаментальным предложениям, закодированным в генеральном принципе превышения среднегодовых темпов роста макрорегиона.

Первое предположение. Ускорение роста экономики макрорегиона является неперенным условием решения задачи национального уровня.

⁹ «С каждым поколением люди... все лучше и лучше защищены либо посредством институтов, либо посредством моральных норм и общественного мнения от произвола государственной власти». *Милль Дж.С.* Основы политической экономики и некоторые аспекты их приложения к социальной философии. В 3-х томах. М.: Прогресс, 1980. С. 10.

¹⁰ *Минакир П.А.* Указ. соч. С. 134.

¹¹ Коммерсант, 3 апр. 2013 г.

Здесь допущена весьма распространенная ошибка — *инверсия причины и следствия*. Причиной является решение определенной задачи, а следствием этого решения может быть действительно ускорение темпов роста.

Такая общенациональная задача может быть, конечно, как экономической, так и внеэкономической. В советский период, например, в 1930–1985 гг. развитие Дальнего Востока основывалось практически исключительно на внеэкономических принципах. Но тогда и не ставилась самостоятельная задача ускорения темпов роста по отношению к общесоюзным темпам. Темпы роста были высокими (как и в целом по экономике СССР). Но не в результате сознательного ускорения, а как результирующая приростов выпуска на инвестировавшихся проектах, которые в свою очередь диктовались конкретными производственными программами, важными для решения тех или иных задач обороноспособности страны. Для этого, конечно, отвлекались ресурсы из других регионов, что являлось «платой» за решение национальных задач.

Такое соотношение причины и следствия лежало в основе знаменитых расчетов соотношения темпов роста Сибири и остальной части СССР, которые в конце 1960-х — начале 1970-х гг. осуществлялись в Институте экономики и организации промышленного производства СО АН СССР. Эти расчеты производились в рамках модельных экспериментов сибирских экономистов не ради абстрактного вычисления «оптимального соотношения» темпов роста, а для выяснения того, каковы должны быть эти соотношения при решении в Сибири народнохозяйственной задачи формирования нового нефтедобывающего района. Результаты действительно подтверждали макроэкономическое предположение о превышении темпов роста. Но это было связано именно с тем, что дополнительные ресурсы выделялись для обеспечения прироста добычи углеводородов, и данный прирост, плюс прирост производства в сопряженных отраслях, обусловил увеличение темпов роста. В то же время просто увеличение темпов могло бы быть достигнуто и безо всякого роста добычи нефти и газа, например, за счет увеличения.

В случае Программы для Дальнего Востока и Байкальского региона (2014–2018 гг. и до 2025 г.), как и в случае с Сибирью 1970-х гг., ставится задача не увеличения прироста ВРП в макрорегионе, а обеспечения вполне определенных параметров магистральной инфраструктуры для российского экспорта на тихоокеанские рынки. Именно об этом идет речь в согласованном Министерством экономического развития варианте ФЦП «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Байкальского региона»¹². Основывается наш вывод на том, что основные бюджетные средства выделяются на проекты БАМ-2 и Транссиб, а также на энергетику, генерирующая составляющая которой избыточна с точки зрения внутреннего потребления и имеет смысл только при экспортной ориентации продукции. Эти проекты, а также ряд других, связанных с добычей и экспортной реализацией сырьевых ресурсов, действительно могут привести к повышению в определенный период темпов роста ВРП

¹² Там же.

в самом регионе. Но *это следствие, а не цель* разработки и тем более реализации Программы.

Второе предположение. Ускорение темпов роста ВРП в каком-то конкретном регионе равнозначно экономическому и социальному развитию этого региона.

Тем самым, предполагается, что единственной конкретной задачей, решаемой в регионе, является достижение некоего «уровня развития», который, в свою очередь, тождественен ускорению темпов роста. Для того чтобы оценить возможные последствия такого «невинного» отождествления, рассмотрим условный пример¹³.

Предположим, вслед за школой А.Г. Аганбегяна (1970-е гг.), что существует два региона – регион «А» и регион «В» (остальная страна).

Зададим такие условия: суммарный валовый продукт равен 1000 единиц, причем в регионе «А» производится 300 единиц, а в регионе «В» – 700 единиц; производственная функция – функция с единичным масштабом, с эластичностью по труду 0,3 (0,5 в регионе «А» и 0,2 в регионе «В»), а по капиталу 0,7 (0,5 и 0,8 соответственно).

Если норма накопления одинакова, что является слишком сильным допущением, но упрощает рассуждения и придает им большую прозрачность, и равна 20%, то в регионе «А» фонд накопления равен 60 единицам, а в регионе «В» – 140 единицам. Следовательно, прирост массы труда составит в регионе «А» 30 единиц, а в регионе «В» – 28 единиц. Соответственно прирост массы применяемого капитала составит 30 и 112 единиц. Тогда суммарный прирост ВВП составит 21,4%, в т.ч. в регионе «А» составит 20%, а в регионе «В» – 22% (т.е. регион «А» будет постоянно отставать по темпам роста от региона «В»).

Если задача связана не с получением какого-то количественно определенного результата, а формулируется как достижение превышения темпов роста в регионе «А» над темпами роста в регионе «В», то это равносильно:

- изменению пропорции распределения совокупных ресурсов между регионами;
- либо изменению пропорции деления ресурсов на труд и капитал и/или изменению параметров эффективности применения ресурсов.

Вторая возможность предполагает осуществление длительной и сложной программы структурной перестройки экономики региона, повышения эффективности использования экономических ресурсов и т.п. При этом подобная программа не может быть программой преобразования только данного региона (в нашем примере региона «А»). Необходимо осуществить целый пакет мероприятий программного свойства и в регионе «В», а также на сопредельных рынках, если часть продукции (или вся) реализуется по каналам внешней торговли.

Первый же путь *вообще не требует какой-либо программы*. Достаточно просто осуществить переброску части ресурсов из региона «В» в регион «А». Результат в этом случае будет достигнут быстро и просто.

Вновь обратимся к нашему примеру.

¹³ Минакир П.А. Указ. соч. С. 134–135.

Допустим, что в регион «А» переброшено дополнительно 100 единиц фонда накопления за счет региона «В». Это при прочих равных условиях приведет к увеличению темпа роста в регионе «А» до 33,3%, но в регионе «В» темп снизится до 5,7%. В итоге совокупный для двух регионов темп роста составит чуть менее 14% против 21,4% до переброски ресурсов (т.е. цена ускорения в данном случае — потеря 7,1 процентного пункта суммарного роста).

Конечно, приведенный пример не более чем абстракция. Реальная задача в случае программы для Дальнего Востока и Байкальского региона формулируется, как отмечалось, не столь примитивно. В ней содержится указание на диверсификацию структуры производства, что предполагает масштабную реструктуризацию экономики, т.е. неявно — программу изменения структуры и параметров эффективности использования факторов производства. Однако это предполагает масштабные инвестиции именно в эти направления. Значит, вместо увеличения массы применяемых в фиксированной структуре и при фиксированных параметрах эффективности ресурсов *будет происходить технологическая перестройка экономики*. Только после завершения этой перестройки могут увеличиться темпы роста (а могут и не увеличиться).

Но общий вывод остается в силе — ресурсы для технологической перестройки все равно могут быть заимствованы только из «остальной страны». Однако если при этом ставится еще и задача ускорения темпов развития самого макрорегиона в течение программного периода, то либо она становится невыполнимой, либо «цена ускорения» значительно возрастет в терминах потери совокупного темпа роста из-за необходимости дополнительного перелива ресурсов.

В любом случае оказывается, что если рассматриваемая Программа не преследует вполне определенных целей, достижение которых однозначно приводит к улучшению (в количественном или качественном выражении) положения всей национальной экономической системы, то с точки зрения собственно экономической целесообразности установка на «ускорение» равнозначна сознательному отказу от принципа Парето-оптимальности в рамках многорегиональной системы. Но тогда *следует предложить иной критерий эффективности* (оптимальности) принимаемого программного решения.

Таким образом, приходится констатировать, что целевая установка на «ускорение» является не более, чем идеологическим штампом, который не подкреплён какими-либо убедительными аргументами, но зато он явно противоречит общему критерию оптимальности в многорегиональной системе.

Статистически задача «ускорение» сама по себе надуманна. Если судить по среднегодовым приростам ВРП, то действительно за период 2000–2011 гг. сумма разностей темпов роста (Дальний Восток минус Россия в целом) оказывается отрицательной (-7,9 процентного пункта). Но делать на этом основании вывод о том, что скорость роста экономики на Дальнем Востоке катастрофически отстает от среднероссийской (даже полагая, что это отставание имеет какое-то содержательное значение) нельзя. Следует сравнить хотя бы несколько корреспондирующих, хотя

и тоже весьма абстрактных, показателей. Так, например, сумма разностей темпов роста (Дальний Восток минус Россия в целом) в случае сравнения индексов промышленного производства оказывается уже положительной (+9,5), т.е. промышленное производство в этот период на Дальнем Востоке развивалось быстрее. Еще большую сумму положительных разностей показывает сравнение темпов роста инвестиций в основной капитал (+55,2). Более того, доля Дальнего Востока в экономике России (по показателю номинального ВРП) в 2000–2011 гг. увеличилась с 5,37% до 5,57%. Соответственно, и ВРП на душу населения (именно этот показатель измеряет уровень экономического развития) на Дальнем Востоке в 2011 г. составлял 126,9% по отношению к уровню России, против 113,6% в 2000 г.

Это может показаться статистическим казусом при отрицательной разнице темпов прироста ВРП. В действительности же — это лишь кажущийся парадокс. Он легко объясняется тем, что рост доли региона в совокупном ВРП страны (измеряемой по показателям в текущих ценах) означает лишь то, что агрегатный индекс цен товаров и услуг, учитываемых в показателе ВРП на Дальнем Востоке, в этот период увеличивался быстрее, чем в целом по экономике Российской Федерации. Говоря иначе, рост доли региона в ВВП страны отражает преимущественно более высокий темп инфляции. При этом темп роста номинальных доходов населения в регионе отстает от среднего по стране темпа. Сочетание инфляции цен и дефляции доходов совершенно обесценивает показатель темпа роста ВРП в качестве ориентира и цели развития.

Конечно, статистическое «богатство» нужно еще претворить в реальный уровень развития. В частности, необходимо ответить на вопрос: а достаточно ли превышения на 26,9% в среднедушевом объеме ВРП для обеспечения, по крайней мере, сопоставимого с эталонными регионами уровня развития региона?

Следует признать, что достоверного ответа на него не существует. Такой ответ требует детальных и очень конкретных исследований и оценок по основным составляющим «уровня развития». Именно такие исследования должны предварять разработку государственных «программ развития».

В целом, необходимо признать, что лозунг «ускорение в терминах темпов роста» не просто является не более, чем заблуждением, но и предлагает неверное направление приложения усилий, если увеличение доли региона в ВВП обеспечивается и при сравнительно низком темпе прироста и, более того, соседствует с ухудшающимся положением региона в области доходов населения.

* * *

Решая сложную задачу поиска рационального соотношения «роста» и «развития» для того или иного региона, необходимо учитывать также и то, что экономическая динамика, как и временные изменения вообще, не является монотонной. Изменения происходят, как правило, циклически. Цикличность динамики характерна как для общественных

процессов в целом, так и для отдельных сторон жизни общества и функциональных сфер. Здесь просматривается явная аналогия с природными явлениями, которая и побудила исследователей сформулировать постулат о последовательном прохождении любой общественной формы через этапы зарождения, возвышения, роста и падения. Как отмечал Л. Мизес: «...отличительным признаком... следует считать устанавливаемую и необходимую регулярность взаимосвязи и последовательности явлений»¹⁴.

Цикличность экономической динамики справедлива для национальной и мировой экономики. Но является ли она столь же неизбежной и для макроэкономических локализаций? Иначе говоря, обязательно ли экономика, замкнутая пределами того или иного территориального администрирования, подвержена циклическим колебаниям?

Ответ на эти вопросы не очевиден, и не только потому, что экономика отдельных территориально-административных единиц является, как правило, экономикой в чрезвычайной степени открытой для внешних взаимодействий как внутринационального, так и международного характера. Дело в том, что экономика административных регионов¹⁵ в разной степени зависит от перераспределения инвестиций и финансовых трансфертов в рамках государственной экономической политики. Это перераспределение по масштабам и структуре различается во времени и доминируется экономическими, политическими, геостратегическими, социальными приоритетами государства.

Результирующая поведения микроэкономических агентов, функционирующих на территории данного административного региона, теоретически вполне согласуется с результатами в масштабах всей национальной экономики. То есть цикличность инвестиционной, производственной, технологической деятельности фирм. Следовательно, цикличность формирования параметров спроса и предложения, доходов и занятости неоспорима. Различия возможны в случае существенных структурных особенностей в конкретном регионе. К примеру, если на какой-то территории сконцентрированы предприятия, производящие продукцию, рынок которой по каким-то причинам оказался вне зоны спада, а рентабельность которых при этом вполне достаточна для компенсации за счет собственных инвестиционных и оборотных средств потерь, связанных со сжатием кредита и ужесточением его условий. В этом случае невозможно исключить подверженности других фирм в этом регионе циклическому спаду, но агрегатные показатели региона в целом, благодаря ведущей роли основной отрасли, окажутся в основном вне зоны цикла. Такой же результат может быть обеспечен и в случае, если экономические агенты конкретного региона оказались технологическими лидерами в своей отрасли. Тогда они даже получают преимущество по сравнению с аналогичными фирмами в других регионах, и этот регион при общем циклическом спаде окажется в выигрыше, получив дополнительные ресурсы на гребне всеобщих потерь.

¹⁴ Мизес Л. фон. Теория и история: Интерпретация социально-экономической эволюции. Челябинск: Социум, 2009. С. 4.

¹⁵ Здесь этим термином обозначается совокупность взаимодействующих с местным, национальным и международным рынками экономических агентов, функционирующих в пределах определенного административно-территориального образования.

Однако, возможно, что ни первое, ни второе не происходит, но при этом по каким-то причинам государство осуществляет адресную инвестиционную и финансовую поддержку данного региона. В этом случае он станет дополнительным циклическим фактором для остальной части национальной экономики, т.к. в его пользу на стадии кризиса будут перекачиваться ресурсы национальной экономики, усугубляя положение других ее территориальных частей. Подобная ситуация вовсе не является редкой.

В пространственном смысле экономика является столь же неоднородной, как и в смысле отраслевой структуры. Для территориальных фрагментов экономики, как и для отдельных отраслевых сегментов, характерны разное качество используемых ресурсов, разный масштаб деятельности и различные характеристики имеющихся экономических и финансовых резервов. Очевидно, что ни для отраслевого, ни для пространственного аспекта экономики избежать цикличности динамики как общей закономерности невозможно. Но столь же очевидно, что и в одном, и в другом случае существуют различные механизмы эндогенного и экзогенного происхождения, способные существенным образом видоизменять и даже полностью элиминировать проявления цикличности, превращая отдельные сегменты общей отраслевой или территориальной динамики в монотонный рост на более или менее продолжительных отрезках времени.

Это следует, конечно, учитывать, конструируя различные программы развития и роста. В случае ориентации на «ускорение» риски циклических провалов возрастают объективно. Следовательно, необходимо принимать во внимание своеобразный циклический коэффициент при определении желательного темпа прироста в среднем за более или менее длительный период. А это еще раз подчеркивает бессмысленность целевой установки на превышение темпов роста, над какой бы то ни было средней величиной.